УДК 027.54(470.23-25)(091)

Г. В. Михеева

«Науки словесные» в Императорской Публичной библиотеке (1795–1849 гг.)

В истории библиотечного дела страны вторая половина XVIII в. ознаменована целым рядом значительных событий. Повсеместно в этот период появляются публичные библиотеки. Дальнейшее развитие русской науки и культуры неизбежно требовало создания национального книгохранилища, централизованно аккумулировавшего всю печатную продукцию страны на русском языке и содержащего важнейшие произведения на иностранных языках. Прогрессивно мыслящие деятели страны, среди которых был видный государственный сановник, известный меценат граф А. С. Строганов и его помощник А. Н. Оленин стояли у истоков создания национального книгохранилища. Подробно рассматривается разработанная А. Н. Олениным библиографическая система в части Класса словесности, отмечаются ее достоинства и недостатки, выявляется круг лиц, занятых описанием книг указанной тематики. Подчеркивается, что, хотя библиотекари получали в свое заведование отделения Библиотеки, лица, на самом деле постоянно ответственного за Класс словесности, как и за большинство других отделений, в этот период не было. Упоминаемые уже в период директорства А. Н. Оленина отделения не являлись устойчивыми административными единицами, наблюдался разнобой, как в их числе, так и в названиях. Это были крупные собрания по разным специальностям, которые не были положены в основу административного деления Библиотеки.

Ключевые слова: национальная библиотека, библиографическая классификация, Императорская Публичная библиотека, история библиотечного дела, А. Н. Оленин, А. С. Строганов

Galina V. Mikheeva

«Verbal sciences» at the Imperial Public Library (1795–1849)

In the history of the country's librarianship, the second half of the 18th century marked by a number of significant events. Throughout this period, public libraries appeared. The further development of Russian science and culture inevitably required the creation of a national book depository, which centrally accumulated all the printed materials of the country in Russian and contained the most important works in foreign languages. Progressively minded figures of the country, including a prominent state dignitary, famous philanthropist Count A. S. Stroganov and his assistant A. N. Olenin, were at the forefront of creating a national book depository. The bibliographic system developed by A. N. Olenin in terms of the Class of literature is examined in detail, its advantages and disadvantages are noted, a circle of people engaged in describing books of the indicated subjects is revealed. It is emphasized that, although librarians received library departments in their charge, there was no person actually in charge of the Language class, like most other departments, during this period. The branches already mentioned during the period of A. N. Olenin's directorship were not stable administrative units, there was a discrepancy, both among them and in the names. These were large collections in various specialties, which were not laid in the basis of the administrative division of the Library.

Keywords: national library, bibliographic classification, Imperial Public Library, history of librarianship, A. N. Olenin, A. S. Stroganov

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-171-178

В истории библиотечного дела страны вторая половина XVIII в. ознаменована целым рядом значительных событий. Формулируя «Правила управления», которыми должен руководствоваться просвещенный монарх, императрица Екатерина II первым пунктом в них отмечала: «Нужно просвещать нацию, которой должен управлять» [1]. Это неизбежно требовало кардинальных перемен в деле просвещения и образования народных масс Российской империи того времени. Проведение ряда реформ в области народного образования привело к принятию в 1775 г. правительственного указания об организации народных училищ.

В 1782 г. под руководством бывшего статс-секретаря императрицы П. В. Завадовского (будущего министра просвещения при Александре I) была создана комиссия по разработке устава о народных училищах. Принятый в 1786 г. устав среди прочего предусматривал при главных народных училищах создание «книгохранилищ, состоящих из

разных иностранных и российских книг» [цит. по: 2, с. 46]. Повсеместно в этот период появляются публичные библиотеки и кабинеты для чтения.

К этому времени уже действовали Библиотека Академии наук, библиотеки Московского университета и основанного в 1774 г. в Петербурге при Берг-коллегии Горного училища, Медико-хирургической академии. Началось активное развитие книгоиздательского дела, с 1779 г. стала функционировать при типографии Московского университета книжная лавка Н. И. Новикова – «Типографическая компания». При всей своей значимости эти библиотеки и книжные лавки не могли в полной мере решать важнейшие вопросы прогресса русского общества и формирования интеллектуальной элиты Российской империи. А. Н. Оленин впоследствии очень точно отмечал: «Хотя в России частных библиотек много имеется и одних печатных книг считается до 20 000, но по рассеянности оных, а особливо рукописей, на таком пространстве, каковое имеет обширное сие государство, желающие трудиться в познании отечественной истории, в законоведении, статистике, географии, домоводстве и в словесности российской не имеют к тому никаких способов. И следственно отечество наше лишается полезных и нужных произведений» [3, с. 15].

Дальнейшее развитие русской науки и культуры неизбежно требовало создания национального книгохранилища, централизованно аккумулировавшего всю печатную продукцию страны на русском языке и содержащего важнейшие произведения на иностранных языках.

Прогрессивно мыслящие деятели страны уже в середине XVIII в. ставили вопрос о создании подобной библиотеки, которая должна была укреплять национальное самосознание, помогать осознанию своего места в контексте развития мировой истории и культуры, содействовать наращиванию слоя образованных «государственных людей» и, как справедливо отмечал В. Ф. Ходасевич, оценивая культурную деятельность Екатерининской эпохи, «являться прямым участием в создании государства» [4, с. 248].

Еще в 1766 г. видный государственный сановник, известный меценат граф А. С. Строганов [5] представил на рассмотрение императрицы Екатерины II коллективный проект создания национального книгохранилища в столице. К этому времени во дворце А. С. Строганова на Мойке уже была собрана богатая личная библиотека, владелец которой приобретал книги и рукописи в магазинах и на аукционах и представлял их для публичного чтения. Как отмечалось в «Русском биографическом словаре», библиотека графа была «лучшею из всех бывших тогда в России… особенно богатая ценными рукописями. Владея такими сокровищами и в такое время, когда в России еще почти совершенно не было… значительных общественных книгохранилищ, Строганов любезно предоставлял пользоваться всем им собранным всякому, серьезно интересовавшемуся той или другой областью искусства и литературы» [5, с. 487]. В числе соавторов поданного императрице проекта национальной библиотеки [7] был и известный вольнодумец и вольтерьянец писатель Б. М. Салтыков, неоднократно посещавший Вольтера в Швейцарии, полагавший, что библиотека станет «клубом Вольтера», просветительским центром столицы, центром «распространения и процветания российского языка», со своей типографией и школой и библиотека будет открыта один раз в неделю «генерально для всех». Причины, по которым этот проект не был принят, несмотря на то что историки Публичной библиотеки уделяли ему самое пристальное внимание [8, с. 12; 9, с. 117–118; 10, с. 24, 29–36], до сих пор непрояснены.

Хотелось бы подчеркнуть один факт, который до настоящего времени не анализировался предыдущими историками. Проект носил название «План Публичной Российской библиотеки в Санкт-Петербурге» (выделено мной. – *Г. М.*). Возможно, именно поэтому учрежденное 16 (27) мая 1795 г. по велению императрицы Екатерины II национальное книгохранилище, в первые годы своего существования не имевшее устойчивого наименования и называвшееся то «государственной публичной», то «императорской», то «российской открытой», в бытность А. С. Строганова главным директором императорских библиотек получило свое вошедшее в историю и закрепившееся название «Императорская Публичная библиотека» (выделено мной. – *Г. М.*).

Условия для создания национальной библиотеки в Российской империи сложились к концу царствования Екатерины II и стали, по словам историков, «олицетворением мощи российского государства и одновременно символом ее приверженности веку Просвещения» [10, с. 24].

История создания Императорской Публичной библиотеки (ИПБ)на базе взятого в качестве военного трофея собрания братьев Залуских, нелегкая транспортировка ее из Варшавы в Петербург, начало разборки хаотично

поступивших фондов на основе предварительной обобщенной схемы М. И. Антоновского, попытка расчленить целостное книжное собрание в бытность директором императорских библиотек французского эмигранта М.-Г. Шуазеля-Гуффье, неоднократно излагалась автором настоящей статьи [11, с. 147–148; 12, с. 16–17; 13, с. 6–7; 14, с. 122–124; 15, с. 144–145; 16, с. 161–163; 17, с. 29–30].

Подлинная организация и развитие Императорской Публичной библиотеки начались с 1800 г., когда директором императорских библиотек стал граф А. С. Строганов, в ведении которого находилась и Публичная библиотека и которой он уделял первостепенное внимание в числе других подведомственных ему библиотек. Именно благодаря Строганову Библиотека «сохранила свое бытие» [цит. по: 10, с. 27]. Он способствовал ускорению разбора книг, предназначенных для новой Библиотеки, контролировал строительство здания для ее размещения – первого в России специально строившегося для нужд библиотек. К числу его заслуг следует отнести и то, что именно по просьбе Строганова в 1808 г. его помощником («товарищем директора») по Библиотеке был назначен А. Н. Оленин [18], который «вдохнул в нее живую душу, дал ей первоначальное устройство, ускорил открытие» [10, с. 64].

Организацию фондов Библиотеки тормозили беспрестанные изменения, вносимые в первоначальную систему расстановки, разработанную М. И. Антоновским. Неоднократно он сам, а затем пришедший ему на смену О. О. д´Огар меняли и количество выделенных классов, и внутреннее их деление, и число разрядов при систематической расстановке «поступившей из Варшавы библиотеки». Ко времени прихода в Библиотеку А. Н. Оленина более половины привезенных фондов не были разобраны, не было ни устоявшейся схемы расстановки, ни каталогов, ни тем более инструкций для их составления [8, с. 15].

Сразу же по приходе в Библиотеку Оленин приступил к составлению необходимого методического руководства для библиотекарей, без которого немыслима была дальнейшая организация фондов. Итогом стало вышедшее в свет пособие «Опыт нового библиографического порядка для Санкт-Петербургской императорской библиотеки» [3] – первый отечественный научный труд по организации фондов и каталогов. Система классификации Оленина, отраженная в этом руководстве, была беспрецедентным явлением для своего времени, значительно превосходящим существовавшие в тот период французские и немецкие классификации и заслужившим высочайшие оценки специалистов [19, с. 129–135; 20, с. 19–40].

Логически обоснованная, научно выверенная для своего времени, классификация Оленина отражала естественное разделение человеческих знаний и демонстрировала неразрывную связь между областями. Система делилась на три части: I. Науки, II. Искусства и III. Филология, или Словесность. По мнению Оленина, главное деление составляли Науки и Искусства, а «к сим двум отделениям прибавлена еще третья часть, под названием Словесность; в ней заключается в общем и смешанном виде все то, что в предыдущих двух статьях к каждой Науке в особенности принадлежит» [3, с. 23]. Три начальных основных деления образовывали пятнадцать разделов, связанных между собой. В целом общая схема выглядела следующим образом:

I. **Науки**
Науки умственные
1. Богословие
2. Правоведение
3. Философия
4. История
Науки естественные
5. История естествознания
6. Врачебство
7. Физика
8. Химия
Науки определительные
9. Математика чистая и сложная

II. Искусства
1. Механические искусства
2. Свободные искусства
3. Словесные искусства

III. Филология
1. Языкознание
2. Полиграфия
3. Критика [8, с. 15].

Предполагалось, что «последняя часть под именем Словесности или Филологии… будет в себе… заключать: 1) Общее и частное познание языков, или Языкознание… 2) Общие сочинения о разных предметах или Разнописателей, Полиграфами так называемых. – И, наконец 3) общий разбор всех сочинений или Критику. – Следственно сие последнее из главных отделений под именем Словесности будет составлять то самое звено, которое должно соединять Словесные искусства с Умственными науками, и вместе может… служить или вступлением, или дополнением к Наукам и Художествам, помещенным в первых двух главных отделениях» [3, с. 27].

Разработанная в деталях подробная схема главного отделения «Филология» была следующей:

Филология

(1) Общеписатели; (2) разбор; (3) рассмотрения.

Существенным недостатком оленинской системы следует признать то, что не было четкого разграничения подраздела «Полиграфы» и рубрики «Словесные искусства», выделенной во втором классе «Художества» [3, с. 59–60], в результате чего художественные произведения в стихах и прозе при описании их разными библиотекарями могли попасть в разные отделения.

Необходимо подчеркнуть, что классификационная схема Оленина вообще и раздел «Филология» в частности были рассчитаны на расстановку фондов, а не создание каталогов, поскольку он полагал, что «скорое отыскание книг в огромных библиотеках зависит не столько от сделанного оным каталога, сколько от систематического распределения самих книг и от частного их пересматривания библиотекарями, которым через то книги делаются до того известными, что они помнят не только каждую из них, но шкаф, полку и то место, на которое всякая книга поставлена» [цит. по: 21, с. 184–185].

Подводя итоги проводившейся до его прихода в Библиотеку расстановки фондов, Оленин составил «Выписку из ведомостей, представленных гг. чиновниками Императорской библиотеки» по состоянию на 30 июня 1808 г. Из нее следовало, что книг по классу «Словесность» разобрали: П. Торси – 7567 единиц, Ф. И. Брейткопф – 3467 единиц, М. А. Семигиновский – 7844 единицы, П. П. Попов – 2735 единиц. Всего по этому классу было разобрано 21 613 книг, бóльшая часть которых была занесена в ведущиеся в виде тетрадей описи-каталоги [3, с. 94–95].

В целях ускорения правильной расстановки книг еще 20 марта 1809 г. А. Н. Оленин издал распоряжение: «Вписывание книг в каталог совершенно оставить, до окончательного размещения оных в шкафы по классам, отделениям, подотделениям и разряда[м], означенным в новой библиографической системе» [цит. по: 21, с. 132]. Обратим внимание, что здесь уже речь идет об

отделениях, однако, как справедливо было отмечено историками Библиотеки в свое время, «распределение книг согласно библиографической системе Оленина не обозначало, что то или другое отделение находилось в ведении особого библиотекаря или подбиблиотекаря (помощника библиотекаря. – *Г. М.*): книги распределены были между служащими независимо от отделений библиографической системы» [22, с. 54]. И хотя в соответствии с утвержденным 23 февраля 1812 г. «Начертанием подробных правил для управления Императорскою Публичною библиотекою» библиотекари получали в свое заведование отделения Библиотеки [23, с. 6], лица, на самом деле постоянно ответственного за отделения Класса словесности, как, впрочем, и за большинство формировавшихся других, в этот период не было. Весь библиотечный состав по-прежнему описывал иностранные книги вне отраслевой принадлежности.

В отчете Библиотеки за 1814 г. А. Н. Оленин указывал, кто из библиотекарей отвечал за ту или иную закрепленную за ним работу. (Биографические очерки о всех перечисленных далее чиновниках Библиотеки приведены в биобиблиографическом словаре «Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры» (СПб., 1995. Т. 1. 688 с.)).

Так, Ф. И. Брейтконф «имел в ведении своем» все печатные книги на итальянском, испанском, португальском, польском, литовском и латышском языках. Р. К. фон Сухтелен «заведовал собранием книг, печатанных на разных европейских языках в XV веке» (курсив А. Н. Оленина. – *Г. М.*) и «имел надзор за всеми вообще книгами на голландском языке». М. А. Семигиновский и его помощник Ф. И. Ласковский «имели под своим надзором» книги на латинском языке по философии, истории, механическим, свободным и словесным искусствам, языкознанию, полиграфии и критике, а также книги на восточных языках, главным образом еврейском, и книги на «северных языках» – финском, шведском, датском. А. И. Красовскому были «вверены два отделения»: географические книги, описания путешествий и городов, «хронологические и до всеобщей древней и новой истории относящиеся» на французском языке и «книги на английском языке по всем систематически расположенным частям Библиотеки». А. А. Бюте имел «в своем хранении» книги по философии, механическим, свободным и словесным искусствам, языкознанию, полиграфии и критике на французском языке. «Отделение греческих книг», за исключением богословских, «имел под своим надзором» Н. И. Гнедич. «По всем систематически расположенным отделениям Библиотеки» книгами на немецком языке ведал П. П. Попов. Кроме того, П. П. Попов и М. А. Семигиновский «имели особенный надзор за всеми излишними экземплярами книг» [24, с. 25–29]. Столь подробное изложение того, чем занимались чиновники Библиотеки, неслучайно. Эти сведения еще раз подтверждают, что, несмотря на разделение фондов по перечисленным в системе А. Н. Оленина отделениям, в Библиотеке не было практики закрепления ответственности того или иного библиотекаря за конкретным отделением [25, с. 58]. Кроме того, не существовало и устойчивого определения понятия «Отделение Библиотеки» связанного с систематическим разделением фондов. Тут и там мелькали понятия «Отделение греческих книг», «два отделения на французском и английском языках».

Таким образом, упоминаемые уже в период директорства А. Н. Оленина отделения не являлись устойчивыми административными единицами, они «никогда не были четко зафиксированы в каком-либо нормативном акте, отсюда нечеткость и разнобой как в их числе, так и в названиях» [26, с. 15]. Это были крупные собрания по разным специальностям, которые, за небольшими исключениями, не имели постоянных ответственных лиц.

Как отмечали впоследствии историки ИПБ, «не имея постоянного и энергического (так! – *Г. М.*) руководства, они (чиновники. – *Г. М.*) работали первые годы недостаточно энергично, и в публике не без основания складывалось довольно скептическое отношение в Библиотеке» [3, с. 37].

В первые годы пополнение класса «Словесность» было невелико. К 1810 г. после передачи части книг в отделение «Словесные искусства» в Библиотеке числились 6173 книги по языкознанию, 2682 книги по полиграфии (как она тогда понималась) и 7665 книг по отделению «Критика» [27, табл. I], к 1812 г. по языкознанию поступили 175 книг, по полиграфии – 112, по критике – 168 книг [28, с. 3]. Содействовал пополнению этих отделений в том числе и сам директор: «Из-за границы Олениным приобретались главным образом сочинения по археологии, истории искусства и особенно касательно классического греческого мира» [22, с. 114].

Отсутствие каталогов на разбираемые фонды, смена чиновников, первоначально расставлявших книги на новых, которым по памяти невозможно было «отыскивать» книги и иметь «достаточно ясное представление о составе своих отделений», со всей остротой ставили вопрос о скорейшем создании каталогов. Так, после выхода в отставку Р. К. фон Сухтелена книги на голландском языке (2673 т.) перешли в ведение Ф. И. Брейткопфа, книги на всех славянских языках собирались в Русском отделении С. С. Сопикова и И. А. Крылова и др. [22, с. 54]. Без детально

составленных каталогов ориентироваться в постоянно растущих фондах было очень сложно. Пришел к этому выводу и сам Оленин. В приказе по Библиотеке в ноябре 1816 г. он писал: «Опыт почти трех лет, прошедших от открытия сего книгохранилища для публики, удостоверил меня, что как для посетителей сего заведения, так и для самих чиновников Библиотеки каталоги составляют необходимую надобность: ибо при помощи их много сокращается время трудов в приискании нужных книг» [цит. по: 22, с. 116].

В мае 1818 г. после совещания чиновников Библиотеки по проблемам составления каталогов всем участникам совещания были разосланы 11 вопросов, на которые они должны были дать подробные ответы. Детально все ответы на заданные вопросы проанализированы в капитальном труде М. Н. Коноваловой [20, с. 41–49]. Нас интересуют лишь вопросы и мнения библиотекарей по отделениям, входящим в класс «Филология». Они были следующими: «5. Книги, содержащие в себе разные предметы, по какому общему правилу должны быть помещаемы в библиографические отделения? 6. Какого рода сочинения вносить в полиграфию?» [цит. по: 22, с. 120]. Сама постановка подобных вопросов уже свидетельствовала о том, что изначально в олениинской схеме не прослеживалось четкого размежевания и допускались субъективные решения по этим важным вопросам. В ответах большинства библиотекарей содержались пространные рассуждения о том, что же считать полиграфией и какого рода сочинения следует помещать в это отделение. Вот некоторые из них: «… есть сочинения ни к какому именно классу не принадлежащие… Таковые прилично помещать между полиграфами и называть сей разряд polygraphie et miscellanea philologie… В полиграфию вносятся, во-первых, собрания сочинений одного автора, во-вторых, книги, заключающие в себе одного автора разные трактаты, в-третьих, вышесказанные miscellanea philologie, ни к какому классу не принадлежащие, в-четвертых, журналы, периодические сочинения и acta ученых обществ, содержащие разные материи. <…> Для книг, содержащих разные предметы, ежели они относятся по одной части наук к разным только отделениям, можно при каждой таковой части иметь особое отделение смеси (miscellanea). Но если в одной книге соединены разные части наук, напр[имер], богословие с правоведением или даже разные разделы познаний, напр[имер], науки с искусствами, или искусства с филологиею, то таковую книгу подобно энциклопедии следует поставить в отдел полиграфии. Записки ученых обществ, без сомнения, в таком только случае входят в отделение полиграфии, когда они заключают в себе разные ветви познания, напр[имер], в одной и той же книге: математику, физику, статистику, археологию, языкознание. То же должно разуметь об избранном чтении (choix des lecteurs). Из отделения критики – два подразделения… а именно: журналы и ученые ведомости, кроме тех, которые посвящены одной какой-нибудь науке, ученую историю со всеми ее разрядами, …биографии художников и актеров и историю театра» [цит. по: 28, с. 5–6].

Направление большинства ответов было единодушным: внося усовершенствования, не следует менять саму основу, поскольку частая смена методик и схемы расстановки пагубно влияет и на организацию фондов, и на составление отражающих их каталогов. Относительно интересующих нас вопросов А. Х. Востоков – филолог-славист, палеограф, помощник хранителя Депо манускриптов (Рукописного отделения) – предложил внести поправку в раздел «Филология», полагая оставить в нем только два отделения: Языкознание и Полиграфию, Критику же разделить по другим отделениям и частям, которым данные критические разборы соответствую [20, с. 48–49].

Итогом этого анкетирования стали «Подробные правила для составления каталогов по азбучному порядку», утвержденные Олениным 29 мая 1819 г. Некоторой модификации в них подверглась первоначальная схема, представленная в «Опыте…». Были приняты 18 главных библиографических разделов, увеличено число отделений в классе II Искусства. В классе «Филология» сохранились отделения «Языкознание» и «Полиграфия», материалы бывшего отделения «Критика» частично разошлись в соответствии с предложениями библиотекарей по соответствующим отделениям, частично вошли в новое сформированное отделение «История словесности» [22, с. 126].

Такое нечеткое разделение в классе «Филология» приводило к тому, что в течение всего времени существования отделения в нем то размежевывались, то объединялись, выделялись новые отделения. Так в середине 1830-х гг. выделились особые отделения из греческих и римских классиков, инкунабул и восточных книг, последние (3000 т.) были присоединены к Депо манускриптов [22, с. 134]. Менялась и само название отделений.

В течение 1820–1822 гг. был составлен 31 том рукописных каталогов Императорской Публичной библиотеки, в целом включивший сведения более чем о 81 тыс. томов книг (примерно четверть ее тогдашних фондов), в каталогах были отражены частично фонды отделений «Языкознание», «Полиграфия» и «История словесности» [20, с. 67–68].

Фонды Отделения словесности пользовались в олениинский период большим читатель-

ским спросом, о чем наглядно свидетельствуют цифры выдачи за 1832 г. Всего читателям было выдано в этом году 42 379 томов книг, в том числе:

– по словесности – 10 987 т.;
– по истории и географии – 9736 т.;
– по богословию – 6379 т.;
– по правоведению – 3851 т.;
– по философии – 3149 т.
– по всем другим наукам – 8277 т. [22, с. 94].

То есть выдача по Отделению словесности превысила 25% от общего числа затребованных читателями иностранных источников.

Нечеткое административное разделение отделений приводило и к тому, что в большинстве отделений не велись работы по каталогизации фондов своего подразделения, а составлялись каталоги, главным образом, по языковому принципу. Так в 1825 г. был составлен алфавитный каталог книг на английском языке вне зависимости от их отделенческой принадлежности. В нем отражены около 8 тыс. книг с XVI в. до 1824 г. Он дополнялся по 1835 г. сведениями о новых поступлениях на английском языке по всем отделениям Библиотеки, а затем прекратился [8, с. 38]. В 1843 г. профессор древней истории и истории средних веков М. С. Куторга, служивший в тот период в Императорской Публичной библиотеке, составил систематический каталог иностранных книг, относящихся к греческим и римским древностям, также включивший книги разных отделений.

Окончательное распределение книг по отделениям произошло в период руководства Публичной библиотекой энергичного Д. П. Бутурлина [29]. Эмоциональный В. И. Собольщиков описывал впоследствии, что «все это необозримое море книг долго колыхалось и переносилось с одного места на другое», пока, наконец, не установилось в должном порядке [30, с. 87]. Началась интенсивная работа библиотекарей по описанию книг, в том числе и отделений, входящих в состав раздела «Филология».

Принципиальные изменения в организационной структуре Библиотеки связаны с приходом на пост ее директора М. А. Корфа, который в 1850 г. заложил основы административного деления Императорской Публичной библиотеки, просуществовавшие в ней 80 лет, охватившие в том числе и первые тринадцать лет деятельности Библиотеки в советское время и измененные лишь в 1930 г.

Список литературы

1. «Правила управления» Екатерины II. 1760-е гг. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: https://constitutions.ru/?p=12382 (дата обращения: 5.10.2019).

2. Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. Санкт-Петербург, 1849. XIV, 293 с.

3. Оленин А. Н. Опыт нового библиографического порядка для С.-Петербургской императорской библиотеки. Санкт-Петербург, 1809. 109, [2] с.

4. Ходасевич В. Ф. Державин. Москва: Книга, 1988. 384 с.

5. Ландер И. Г., Михеева Г. В. 1800–1811. Александр Сергеевич Строганов // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. Санкт-Петербург, 2006. С. 30–49.

6. Строганов, гр. Александр Сергеевич // Русский биографический словарь. Санкт-Петербург. 1909. Т. 19. С. 485–488.

7. План Публичной Российской библиотеки в С.-Петербурге, составленный в 1766 году / публ. А. Лазаревского // Библиографические записки. 1861. Т. 3, № 3. СПб. 71–79.

8. История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград, 1963. 436 с.

9. Мыльников А. С. Из истории основания Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина // Библиотеки СССР: опыт работы. Москва, 1964. Вып. 25. С. 117–130.

10. Грин Ц. И., Третьяк А. М. Публичная библиотеки глазами современников (1795–1917): хрестоматия. Санкт-Петербург, 1998. 694 с.

11. Михеева Г. В. Отделенческая система в Императорской Публичной библиотеке (исторический очерк) // Клио. 2018. № 2 (134). С. 147–154.

12. Михеева Г. В. «Россика» в Российской национальной библиотеке: история, проблемы, перспективы // Материалы I Всероссийского рабочего совещания по проблемам «россики»: Москва, 29–30 июня 1995 г. Москва, 1995. С. 16–26.

13. Михеева Г. В. Историческое отделение в Императорской Публичной библиотеке // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 1 (34). С. 6–15.

14. Михеева Г. В. Отделение философии в Императорской Публичной библиотеке // Клио. 2018. № 8 (140). С. 122–130.

15. Михеева Г. В., Добрусина С. А. Юридическое отделение в Императорской Публичной библиотеке // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 4. С. 144–151.

16. Михеева Г. В. История отделения естественных наук в Императорской Публичной библиотеке // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. Т. 40, № 1. С. 161–184.

17. Михеева Г. В. Отделение богословия в Императорской Публичной библиотеке // Труды и переводы / Санкт-Петербург. духовная акад. РПЦ. Санкт-Петербург, 2019. № 1. С. 29–38.

18. Голубева О. Д., Михеева Г. В. 1811–1843. Алексей Николаевич Оленин // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. Санкт-Петербург, 2006. С. 50–77.

19. Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Москва, 1959. Т. 2. 563 с.

20. Коновалова М. Н. История каталогизации фондов Российской национальной библиотеки, 1795–1917 гг. / подгот. к печати и коммент. Г. В. Михеевой; науч. ред. Г. В. Михеева, Р. С. Гиляревский. Санкт-Петербург, 2014.

303 с. URL:http://vivaldi.nlr.ru/bx000007674/view (дата обращения: 9.10.2019).

21. Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин: опыт научной биографии. Санкт-Петербург, 2006. 480 с.

22. Императорская Публичная библиотека за 100 лет (1814–1914). Санкт-Петербург, 1914. 481, XXVI с.

23. Акты, относящиеся до нового образования Императорской библиотеки. Санкт-Петербург, 1812. 11 с.

24. Оленин А. Н. Отчет в управлении Императорскою Публичною библиотекою… за 1814 г. Санкт-Петербург, 1815. 63 с.

25. Голубева О. Д. А. Н. Оленин. Санкт-Петербург, 1997. 192 с.

26. Шилов Л. А., Михеева Г. В. Предисловие // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 5–36.

27. Отчет в управлении Императорскою Публичною библиотекою… за 1808–1812 гг. Санкт-Петербург, 1813. 78 с.; 11 л. табл.

28. Полежаев Н. И. Исторический обзор фондов Отделения полиграфии / публ. И. Г. Матвеевой. 55 с. URL: nlr.ru/nlr_history/articles/Polezaev.pdf (дата обращения: 11.10.2019).

29. Михеева Г. В. 1843–1849. Дмитрий Петрович Бутурлин // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. Санкт-Петербург, 2006. С. 78–93.

30. Собольщиков В. С. Воспоминания старого библиотекаря // Исторический вестник. 1889. Т. 38, № 10. С. 70–82.

References

1. «Management Rules» by Catherine II. 1760s. Russian Legal Portal: Pashkov Library. URL: https://constitutions.ru/?p=12382 (accessed: Oct.5.2019). (in Russ.).

2. Voronov A. S. Historical and statistical review of educational institutions of the St. Petersburg educational district from 1715 to 1828 inclusive. St. Petersburg, 1849. XIV, 293 (in Russ.).

3. Olenin A. N. The Experience of a new bibliographic order for the St. Petersburg Imperial Library. Saint Petersburg, 1809. 109, [2] (in Russ.).

4. Khodasevich V. F. Derzhavin. Moscow: Book, 1988. 384 (in Russ.).

5. Lander I. G., Mikheyeva G. V. 1800–1811. Alexander Sergeevich Stroganov. History of the Library in the biographies of its directors, 1795–2005. Saint Petersburg, 2006. 30–49 (in Russ.).

6. Stroganov, gr. Alexander Sergeevich. Russian Biographical Dictionary. Saint Petersburg. 1909. 19, 485–488 (in Russ.).

7. The plan of the Russian Public library in St. Petersburg. Bibliograficheskiye zapiski. 1861. 3 (3), 71–79 (in Russ.).

8. History of the State Order of the Red Banner of Labor of Saltykov-Shchedrin State Public Library. Leningrad, 1963. 436 (in Russ.).

9. Myl'nikov A. S. From the history of the founding of the Saltykov-Shchedrin State Public Library. Libraries of the USSR: Work experience. Moscow, 1964. 25, 117–130 (in Russ.).

10. Green Ts. I., Tretyak A. M. Public libraries through the eyes of his contemporaries (1795–1917): reader. Saint Petersburg, 1998. 694 (in Russ.).

11. Mikheeva G. V. The branch system in the Imperial Public Library (historical essay). Klio. 2018. 2 (134). (in Russ.).

12. «Rossica» in National Library of Russia: history, problems, perspectives. Proceedings of the First All-Russian Workshop on the Problems of «Rossica»: Moscow, June 29-30, 1995. Moscow, 1995.16–26 (in Russ.).

13. Mikheeva G. V. Historical Department in the Imperial Public Library. Bulletin of Saint-Petersburg State University of Culture. 2018. 1 (34) (in Russ.).

14. Mikheeva G. V. Department of Philosophy in the Imperial Public Library. Klio. 2018. 8 (140), 122–130 (in Russ.).

15. Mikheeva G. V., Dobrusina S. A. Legal department at the Imperial Public Library. Bulletin of Saint-Petersburg State University of Culture. 2018. 4, 144–151 (in Russ.).

16. Mikheeva G. V. History of the Department of Natural Sciences at the Imperial Public Library. Problems of the History of Natural Science and Technology. 2019. 40 (1), 161–184 (in Russ.).

17. Mikheeva G. V. Department of Theology in the Imperial Public Library. Transactions and translations / St. Petersburg. spiritual acad. ROC. Saint Petersburg, 2019. 1, 29–38 (in Russ.).

18. Golubeva O. D., Mikheeva G. V. 1811–1843. Alexei Nikolaevich Olenin. History of the Library in the biographies of its directors, 1795–2005. Saint Petersburg, 2006. 50–77 (in Russ.).

19. Shamurin Ye. I. Essays on the history of the library-bibliographic classification. Moscow, 1959. 2, 563 (in Russ.).

20. Konovalova M. N. History of cataloging of the collections of the National Library of Russia, 1795–1917. / preparation to the publ. and comments. by G. V. Mikheeva; sci. ed. G. V. Mikheeva, R. S. Gilyarevskiy. Saint Petersburg, 2014. 303. URL: vivaldi.nlr.ru (accessed June 23 2017) (in Russ.).

21. Faybisovich V. M. Aleksey Nikolayevich Olenin: the experience of scientific biography. Saint Petersburg, 2006. 480 (in Russ.).

22. Imperial Public Library for 100 years (1814–1914). Saint Petersburg, 1914. 481, XXVI (in Russ.).

23. Acts relating to the new formation of the Imperial Library. Saint Petersburg, 1812. 11 (in Russ.).

24. Olenin A. N. Report in the management of the Imperial Public Library ... for 1814 ... Saint Petersburg, 1815. 63 (in Russ.).

25. Golubeva O. D. A. N. Olenin. Saint Petersburg, 1997. 192 (in Russ.).

26. Shilov L. A., Mikheeva G. V. Preface. Employees of the National Library of Russia – figures of science and culture: a biographical dictionary. Saint Petersburg, 1995. 1, 5–36 (in Russ.).

27. Report in the management of the Imperial Public Library ... for 1808—1812 ... Saint Petersburg, 1813. 78 (in Russ.).

28. Polezhaev N. I. Historical review of the funds of the Printing Department / publ. I. G. Matveeva. 55. URL: nlr.ru/nlr_history/articles/Polezaev.pdf (accessed: 10/10/2019 (in Russ.).

29. Mikheyeva G. V. Dmitriy Petrovich Buturlin. History of the Library in the biographies of its directors, 1795–2005. Saint Petersburg, 2006. 78–93 (in Russ.).

30. Sobolshchikov V. I. Memories of the old librarian's. Istoricheskij vestnik. 1889. 38 (10), 70–82 (in Russ.).